

АЙ САЙЫН ШЫҒАТЫН ӨНЕР ЖУРНАЛЫ

№5(05)

ӘНЕРӘЛЕМІ

Журнал 2005 жылдың ақпанынан
бастап шығады.
Журнал выходит с февраля
2005 года.

ЖЕЛТОҚСАН 2005 ДЕКАБРЬ

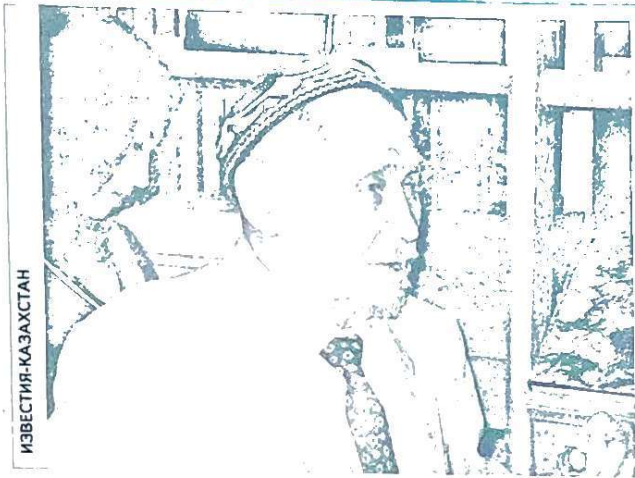
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИСКУССТВА

Әуесқой
композитор
Мса
МОМБАЕВ:

*Титара-
жанымның
серігі*

• Под семью Мрам

ИЗВЕСТИЯ-КАЗАХСТАН

- Уважаемый Хакимжан Есимханович, давайте обратимся к вашей студенческой молодости. В конце 1940-х годов вы учились в Харьковском художественном институте. Однажды вы вылепили фигуру шахтера, которая была широко тиражирована и установлена во многих городах и поселках Донбасса. Таких случаев в истории ваяния найдется, видимо, немало. Так, известный советский скульптор, действительный член Академии художеств СССР Евгений Вучетич не считал для себя зазорным работать на тираж. Пример тому известная его скульптурная фигура В.И. Ленина, простоявшая более 40 лет в центре Алматы, а теперь перемещенная в сквер позади кинотеатра "Сары-Арка".

- Это "плакат". (Смеется).

- А ваш украинский шахтер - не "плакат"? Это ведь тоже тиражная работа. Но в дальнейшем судьба уберегла вас от этого искуса.

- История той моей работы такова. Всем студентам нашего института было поручено подготовить на конкурсной основе эскиз так называемой академической учебной постановки для всего курса. С целью овладения скульптурной грамотой. Натурщиком был бывший шахтер - интересный парень, хорошо сложенный. Я его попросил найти и надеть соответствующую одежду. Когда студенты справились с заданием, мой педагог Ольга Николаевна Казарина пригласила посмотреть их работы руководителей местного завода "Монумент-скульптура", где отливали и тиражировали изделия. Заводчане выбрали именно мой эскиз. Потом стали его тиражировать и рассылать по всей Украине, а я получал гонорар и стал, наверное, самым материально обеспеченным из наших студентов. По молодости я очень гордился тем, что мой шахтер стоит по всей Украине.

- Его отливали в бронзе?

- В бетоне. Бронза в те годы была в дефиците - стратегический материал.

- А позже у вас не возникло в душе какого-то осадка от размножения своей работы, пусть и удачной?

- Я потом просто о ней забыл.

- А как вы вообще относитесь к тиражированию?

- Если произведение хорошее, то почему бы ему не идти в массы? Ведь, скажем, писателю всегда бывает приятно, когда его вещь издается большим тиражом.

- Но представьте, что памятник Петру Первому Фальконе стоял бы и в Санкт-Петербурге, и в Москве, и

ДАР ТВОРЕНИЯ

В 2005 году общественность нашей страны отметила 80-летие со дня рождения первого профессионального скульптора Казахстана Хакимжана Наурызбаева.

Изваянные этим выдающимся мастером образы Абая, Шокана Уалиханова, Жамбыла, установленные в Алматы, приобрели классический, хрестоматийный характер. Многим, наверное, трудно представить этих гениев казахского народа в каком-либо ином их скульптурном облике.

Редакция журнала "Өнер ӘЛЕМІ" благодарит народного художника РК, лауреата Государственной премии РК Хакимжана Есимхановича НАУРЫЗБАЕВА за принятие приглашения стать первым гостем нашего салона "Муза ИЗОИСКУССТВА".

где-нибудь еще. Или ваш Абай был бы не только в Алматы, но и в Семипалатинске, и в Астане...

- Это корбило бы глаз. Я бы никогда не согласился на такое. Уникальное произведение изобразительного искусства должно быть единично. Неповторимо. Это не книга. Если художник позволяет размножать свою удачную вещь - то, по большому счету искусства, это хулиганство. Кстати сказать, особо ценные издания - книги, альбомы - никогда не печатают массовым тиражом.

- В перечне ваших работ 140 скульптурных изображений Жамбыла.

- Они все оригинальные.

- Как хватило художественного воображения и фантазии на создание стольких портретов одного человека?

- У самого Жамбыла сотни поэтических произведений, ни в чем не повторяющих друг друга. Он свои строки не штамповал. У акына хватало ума и сердца говорить, казалось бы, об одном и том же тысячу раз по-разному. Это уроки мастерства. Я просто не мог позволить себе повторять его образ.

- Вы с Жамбылом встречались?

- Правду сказать, нет. Я его видел, но не общался с ним, не разговаривал. Меня к нему и не подпустили бы. Я просто следил за ним со стороны. Здание, где сейчас находится Театрально-художественная академия имени Темирбека Жургенова, было Домом Правительства. Жамбыла туда привозили на машине и увозили. Я наблюдал, как его ведут под руки, как он стоит, запоминал его пластику, жесты, мимику. Темой своей дипломной работы я избрал его образ. К тому времени великий акын уже ушел от нас. Я взял командировку на родину Жамбыла, под Узун-Агашем, где сейчас Музей Жамбыла, чтобы изучить его жизнь и привезти материал. Там жили его сыновья. Я остановился у сына Жамбыла, Тезекбая. Знаете, как его имя с казахского переводится? "Коровья лепешка". (Смеется).

- Знатное имя, скажу я! Был князь - да в грязь.

- Все не так просто. Сам отец дал ему такое имя, следуя стародавней казахской традиции. Чтобы ребенок был здоровым и долго жил, ему давали неказистое, противоречивое имя, дабы злые духи от ребенка отшатнулись и не тронули его.

Мы с Тезекбаем очень подружились. Когда я после учебы вернулся из Харькова в Алматы, мы часто ездили друг к другу в гости. У меня есть портретные работы "Мальчик Жамбыл", "Молодой Жамбыл" - в них запечатлены

внуки акына. Я их с натуры лепил. Пусть они внешне и не совсем на деда походили, но кровь-то одна, генетические черты родственны. Их лики сейчас вошли в историю искусства в образе Жамбыла разных периодов его жизни. Эти потомки акына уже неразрывно слиты с дедом своим.

- Но, повторю, какой же должна была быть сила художественного впечатления, что расковала вам руки для создания целой галереи портретов одного человека!

- Все это плоды труда, постижения его образа, длительного изучения его жизни и творчества. Многих людей, которые его близко знали, я расспрашивал о нем, каким был он в их представлении, в их понимании. Когда мои студенты лепят образ того или иного своего героя, допустим, по фотографии, я спрашиваю: а ты хорошо знаешь этого человека? Чем он дышит? Что делает? Какой у него характер? - "Нет..." - Я говорю: так нельзя. Фотография фиксирует лишь миг, она никогда не передаст сути личности. Понаблюдайте за любым человеком хотя бы минут пять - как он меняется за это краткое время! Как его мысли отражаются в мимике. Работая над образом человека, ты его должен знать досконально. Если ты не знаком с ним лично, то должен изучать его жизнь, его труды, литературу о нем, воспоминания современников...

- Это положительные примеры. Но ведь можно учить студентов, отталкиваясь и "от противного". Например, тот же Ленин у разных скульпторов "катастрофически" похож.

- Они Ленина не изучали, просто копировали однажды кем-то найденное.

- Следуя к тому же четким идеологическим установкам.

- Мне трудно сказать, о чем думали при этом разные авторы, но то, как они работали, мне абсолютно понятно. Они в основном следовали типовым штампам.

- Ленин Евгения Вучетича - это заказная работа?

- Да, это госзаказ. Он на подобных творениях делал свое состояние.

- А душа-то художника?

- Души-то и нет у него, хотя он и был пятикратным лауреатом Сталинской премии и имел Ленинскую премию. Если человек озабочен только созданием для себя материальных благ, причем тут душа? Сам по себе Вучетич был не глупый человек, он искал то, что ему нужно, и находил. Я как-то обнаружил источник, откуда он взял своего знаменитого "Воина-освободителя", что стоит в Берлине, в Трептов-парке. В одном из римских соборов есть огромные врата, вся плоскость которых покрыта скульптурами - рельефы, горельефы, барельефы. Есть там и некий "божественный персонаж" с ребенком. Композицию он взял оттуда. Только одел модель в плащ-палатку красноармейца.

- Вы были знакомы с Вучетичем?

- Конечно. Он приезжал в Алматы в связи с решением вопроса о памятнике Ленину, который должны были воздвигнуть на центральной площади к 40-летию Октябрьской революции. Он сделал эту фигуру по какому-то дружескому заказу, но заказчик от этой работы отказался. Тогда гому заказу, но заказчик от этой работы отказался. Тогда Бауыржан Момышулы, друг Вучетича еще с военных лет, посодействовал тому, чтобы она была установлена у нас в 1957 году. Он не раз бывал в гостях у Бауыржана и у меня. Мой дом всегда был гостеприимным.

Так вот, Вучетич крепко меня возбудил, чтобы я встал на ноги. Он напечатал в газете "Казахстанская правда" статью о том, что нашей республике не повезло в том отношении, что у нас нет профессиональных скульпторов. Есть лишь один, который что-то ваяет, да и тот одноклазый. История не знает случаев, чтобы объемным пластическим искусством занимался скульптор с таким дефектом.

Мне было очень больно, так тяжело было, я сильно переживал. Но Вучетич своей некорректностью дал мне стимул, зарядил меня. Нужно быть инициативным, чтобы в твоей душе было желание что-то создавать, творить. Это зависит прежде всего от самого человека, но и от окружающей среды тоже. Чтобы среда тебя не заела, надо быть индивидуальностью.

- Искусствовед Надежда Полонская считает, что в сфере пластики вы как бы повторили подвиг страдавшего глухотой Бетховена, в другом, разумеется, виде искусства - настолько вы развили в себе чувство формы.

- Я сказал себе, что докажу, что и с одним глазом можно быть скульптором. И доказал всем.

- Благодаря такому неделикатному толчку.

- Пинку! Лично для меня выпад Вучетича оказался очень полезным. Любая похвала меня не прельщает абсолютно. Иногда даже раздражает. Я гляжу на человека, который меня хвалит, одним своим глазом. Пронизываю его, изучаю и понимаю, что он за человек, каково его нутро.

- Но по какому моральному праву Вучетич позволил себе выступить судьей судьбы другого человека?

- Это удел всех дельцов. Они берут на себя такое

(Продолжение на сл. стр.)

ДАР ТВОРЕНИЯ

(Окончание. Начало на стр.17)

право. Но у него это не от души идет. В этом реализуется его ментальная враждебность.

- По отношению к действительному или возможному оппоненту?

- По отношению к искусству. Он столько наплодил последователей своего "творческого" метода.

- А можете рассказать, как так случилось, что вы утратили глаз?

- Я родился в Костанайской области, в поселке Аллаколь ("Священное озеро"). Прошу не путать с Улауколь ("Отравленное озеро"). Жили мы в саманном доме под камышовой крышей, которую сверху покрывали пластами земли. Я был младенцем, лежал в зыбке (бесік). Кто войдет в дом или выйдет, дверью невольно стукнет, и сверху все сыплется. И вот кто-то так сильно хлопнул, что солома мне на лицо посыпалась, и острая камышинка попала в глаз. Мать показывала меня всяким знахарям, баксы, они лечили как могли, прикладывали к глазу жженую кость. Образовалось бельмо. Как говорится, долечили. Позже врачи сказали: лучше бы вообще не трогали, мы бы бельмо сняли, а теперь уже поздно.

Мама моя, Рагыш, была родом из зажиточной семьи, ей нанимали домашнего учителя, она была очень грамотная в религиозном отношении. Сочиняла стихи и песни, была мастерица, известная на весь округ. Обшивала, одевала всех местных модниц. Валяла кошмы для юрт. А отец делал деревянные остовы для них, кереге, уык. Мог и сбруи, и седла, и домбру сделать.

И вот наши сельские женщины сидят, разговаривают, каждая свое чадо хвалит. Одна говорит, мой сын тем-то и тем-то будет, другая - а мой тем-то. А я в семье был единственный сын, остальные дочери, все младше меня. И эти женщины маму мою унижали: твой сын, одноглазый, наверное, будет чабаном. Она переживала, плакала и доказывала им, что они не правы. Говорила, что один из пророков был с одним глазом, но зато какой он был умный и зоркий, все видел насквозь. Наверное, она предвидела мою жизненную стезю. И молилась обо мне. И до Аллаха ее молитва, выходит, дошла. Жаль, что ее жизнь короткой оказалась. Она умерла в 34 года.

- Не увидела ваш жизненный расцвет.

- Не увидела. Но ничего. Зато весь народ видит.

- А ваш отец сколько прожил?

- 107 лет. У него была записная книжка, где он незаметно для меня записывал, чем я занимаюсь. Следил за моей работой. И Абая моего видел, и Шокана, и Жамбыла... Очень гордился мной и хвалился.

Музу Изоискусства
сопровождал
Сергей ЧКОНΙΑ.